

Научная статья

УДК 316.454.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-274-283

Социальная трансмиссия разновозрастных групп населения в контексте устойчивого развития российского общества

Егор Владимирович Мороз¹, Ирина Леонидовна Первова²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ st057877@student.spbu.ru

² pervovai@mail.ru✉

Аннотация. Авторами рассмотрена проблема уязвимости групп населения, находящихся в состоянии социальной трансмиссии на примере двух базовых возрастных групп — молодежи и пожилых людей. Социальная трансмиссия охарактеризована как явление, обусловленное переходностью социального статуса и психофизиологического состояния (из юности в зрелость и из зрелости в старость). Данные периоды трансмиссии могут быть сопряжены с переживанием состояния неопределенности, повышенной напряженности, раздражения, фрустрации, неясности перспектив, боязни совершить ошибку в выборе стратегии поведения и рядом других состояний, детерминированных поиском рационального выбора, определяющего новый социальный статус. Обращено внимание на то, что, несмотря на наличие возрастной специфики, для молодежи и пожилых людей характерна общая уязвимость перед лицом социальных рисков, продуцируемых этим состоянием. Возникающие в процессе социальной трансмиссии риски могут рассматриваться в качестве фактора, оказывающего влияние на самовосприятие индивидом своего места в обществе, и при отсутствии успешного преодоления приводить к необратимым результатам. Изложенные в статье теоретические предположения подтверждаются результатами проведенного пилотного эмпирического исследования, в ходе которого установлено, что и молодежь, и пожилые люди обеспокоены состоянием социального перехода, отмечают значительное число связанных с ним социальных рисков, обусловленных как возрастными изменениями, так и необходимостью выбора жизненного пути в условиях изменения социального статуса. В заключение авторами сделан вывод об огромном значении социальной трансмиссии в контексте преодоления социальных проблем молодежи и пожилых людей, формировании нового посыла к оптимизации устойчивого развития России.

Ключевые слова: социальная трансмиссия, устойчивое развитие, социальные риски, социальная компетентность, молодежь, пожилые

Для цитирования: Мороз Е. В., Первова И. Л. Социальная трансмиссия разновозрастных групп населения в контексте устойчивого развития российского общества // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 274–283. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-274-283>

Original article

Social transmission of different generations in the context of sustainable development of Russian society

Egor V. Moroz¹, Irina L. Pervova²✉

^{1, 2} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹ st057877@student.spbu.ru

² pervovai@mail.ru✉

© Мороз Е. В., Первова И. Л., 2022

Abstract. The article deals with the problem of vulnerability of population groups in a state of social transmission on the example of two basic age groups — youth and the elderly. Social transmission is considered as a phenomenon caused by the transitivity of social status and psychophysiological state (from youth to maturity and from maturity to old age). These periods of transmission can be associated with a state of uncertainty, increased tension, irritation, frustration, uncertainty of prospects, fear of making a mistake in choosing a behavior strategy and a number of other states determined by the search for a rational choice that determines a new social status. At the same time, the authors note that, despite the presence of a certain age specificity, youth and the elderly are characterized by a general vulnerability to social risks arising in this condition. Risks arising in a state of social transmission can be considered a factor that has a direct impact on the individual's place in society self-perception, and lead to irreversible results in the absence of successful overcome. The theoretical assumptions presented in the article are confirmed by the results of a pilot empirical research, which showed that both young people and elderly people express serious concerns about the state of social transition, and note a significant number of associated social risks, due to both inevitable age-related changes and the need to choose a further life path in changing social status conditions. In conclusion the authors underline that social transmission is of great importance in the context of social problems overcoming in youth and the elderly, and propose a new vista in Russia's sustainable development optimization.

Keywords: social transmission, sustainable development, social risks, social competence, youth, the elderly

For citation: Moroz E. V., Pervova I. L. Social transmission of different generations in the context of sustainable development of Russian society. *Sociology and Law. 2022;14(3): 274-283.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-274-283>

Введение

Период конца XX — начала XXI в. ознаменован рядом глобальных процессов, полностью изменивших привычную для нескольких поколений картину мира. Крушение социалистической системы, победное шествие неолиберализма, глобального рынка и радикальная информатизация всех сфер общества отразились как на жизни каждого индивида, так и на судьбах социальных групп, стран и народов. В условиях новой реальности появились новые вызовы и новые возможности, которые не характерны для предыдущих этапов общественного развития.

Несмотря на достижения научно-технического прогресса, жизнь людей не стала спокойнее и безопаснее. Напротив, количество рисков, присутствующих в повседневной жизни современного человека, многократно увеличилось. Ряд привычных вызовов (глобальные проблемы голода, бедности, угрозы военных конфликтов, распространение известных науке заболеваний), с которыми человечество сталкивалось на протяжении предыдущих десятилетий, расширился с появлением новых видов рисков, эффективные стратегии противостояния которым предстоит выработать. Наиболее остро новые виды социальных рисков проявились с началом 2020-х гг.: пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 и вызванный ею социально-экономический кризис спровоцировали рост экономической и политической нестабильности, обострили социальные противоречия. Ситуация дополнительно усугубилась на фоне глобального кризиса, обусловленного политикой санкций, проводимой рядом стран в отношении Российской Федерации (РФ). Взрывной рост структурной и латентной безработицы, перегрузка системы здравоохранения, массовые протестные акции, общее ощущение безысходности, постоянной опасности и растущее отчуждение в обществе — вот лишь часть негативных последствий, с которыми пришлось столкнуться современному мировому сообществу.

В этих условиях все актуальнее становится проблематика устойчивого развития нашей страны, определение места человека в обществе ввиду быстрых перемен. Поиск ответа на вопрос о том, как создать в России стабильное и гармонично развивающееся сообщество, несмотря на беспрецедентные санкции, становится одним из наиболее приоритетных для отечественных точных, естественных, социальных и гуманитарных наук. Понятие «устойчивое развитие», которое настолько важно в современных санкционных условиях, является междисциплинарным термином и используется во всех перечисленных дисциплинах. Устойчивое развитие в социальном смысле становится стержнем государственной системы современного мира, в связи с чем все развитые страны стремятся определить контуры стратегических решений и будущих ориентиров именно в этом ключе [1; 2; 3].

В настоящей статье освещена проблема устойчивости социальных групп современного российского общества к вызовам и угрозам, продуцируемым социальной реальностью. В качестве объекта исследования выделены две большие социальные группы — молодежь и пожилые люди. С одной стороны, речь идет о наиболее многочисленных и социально активных категориях населения, с другой — о наиболее социально уязвимых [4]. В процессе анализа подходов к изучению социальных рисков молодежи и пожилых людей выявлены негативные тенденции: противопоставление данных социальных групп, а также недостаточность существующих понятийных категорий для всестороннего описания проблемы социальной уязвимости. В качестве альтернативного подхода к рассмотрению данного вопроса предлагается использование понятия «социальная трансмиссия» как новой социологической категории, позволяющей переосмыслить проблему устойчивости к социальным рискам для молодежи и пожилых людей, а в перспективе создать новый посыл к оптимизации развития российского общества.

В первом разделе статьи в контексте социальной уязвимости анализируются качественные характеристики молодежи и пожилых людей — больших социальных групп современного российского общества. Во втором разделе статьи приведен краткий обзор существующих подходов к изучению социальных рисков и устойчивого развития. Третий раздел содержит теоретическое обоснование концепта «социальная трансмиссия». Четвертый раздел статьи включает в себя описание пилотажного исследования, проводившегося в Санкт-Петербурге в 2021 г., и подробный анализ его результатов.

Теория

Понятие «устойчивое развитие» является междисциплинарным термином и используется как в точных, естественно-научных, так и в гуманитарных дисциплинах. Устойчивое развитие в социальном смысле становится стержнем государственной системы современного мира. В связи с этим все развитые страны стремятся определить контуры стратегических решений и будущих ориентиров именно в этом ключе (Е. И. Алехин [1], Е. С. Грузневич [2], С. Б. Мурашев [3]). Международное сообщество рассматривает устойчивое развитие в качестве ключевого императива, позволяющего выдвигать социальную составляющую как приоритетную по отношению к экономической (С. Н. Бобылев, С. В. Соловьева [5]). Для России именно стабильность в развитии даст возможность устоять в современных сложных политико-экономических условиях (Д. Уалаалу [6], Т. В. Скрыль, Е. В. Шавина, Е. Доценко [7]).

Важной составляющей устойчивого развития государства является устойчивость основных социальных групп к социальным вызовам и рискам. Дестабили-

зирует общество именно неготовность населения к вызовам, которые продуцирует динамичная социальная реальность. Понятие устойчивости населения к социальным рискам связано со стабилизацией в обществе и его устойчивым развитием. В современной научной литературе термин «устойчивость к рискам» характеризуется в рамках нескольких дисциплин и научных подходов. В первую очередь это — психологический подход, в котором устойчивость изучается в контексте характеристик личности, позволяющих ей эффективно противостоять различным внешним угрозам — прежде всего стрессам (М. О. Шуайбова, И. С. Минбулатова, Р. В. Магомедов [8]; Н. А. Лукьянова, Е. В. Родионова, Т. В. Конюхова [9]; З. И. Гадаборшева, Ш. И. Булуева, М. Р. Бекова [10]; М. Н. Соловьев [11]; Л. Гайтан [12]). В современной социологии понятие устойчивости исследуют в рамках освещения проблем уязвимых групп населения (А. И. Трунова [13]), социальной интеграции (Ю. М. Пасовец [14]), а также в контексте изучения социальных систем (А. В. Малахов [15]).

Устойчивость рассматривают и в различных социальных контекстах: учебном процессе (З. И. Гадаборшева, Ш. И. Булуева, М. Р. Бекова [10]; О. Борисова, В. Фролова, Л. Артамонова [16]), взаимодействии внутри семьи (Н. Г. Мяснянкина, Е. П. Ширяева [17]), профессиональной деятельности (Л. В. Зубова, А. Н. Гирина [18]) и самореализации личности (И. И. Харченко, Н. М. Арсентьева [19]). Важной составляющей устойчивого развития государства является устойчивость основных социальных групп к социальным вызовам и рискам. Дестабилизирует общество именно неготовность населения к вызовам, которые продуцирует динамичная социальная реальность. На наш взгляд, сегодня в России в контексте формирования общества устойчивого развития особое значение имеют две большие социальные группы — молодежь и пожилые люди. Выраженная значимость данных групп объясняется несколькими причинами.

Прежде всего данные группы в современном российском обществе являются одними из наиболее многочисленных: на их долю суммарно приходится свыше 46 % населения страны (Росстат, 2021 г. — 19 % населения РФ лица 18–35 лет; 22,8 % — старше 59 лет) [20, с. 8–10]. Кроме того, во многом именно от указанных социальных групп зависит то, каким предстанет будущее нашей страны: согласно данным ВЦИОМ, именно эти категории — наиболее активные участники избирательного процесса (на выборах Президента РФ в 2018 г. явка избирателей 18–35 лет составила 69,5 % от общего числа избирателей данной возрастной группы, а для граждан от 60 лет этот показатель был равен 67,2 %)¹. Указано, что молодым людям свойственна не только электоральная активность, но и высокий протестный потенциал: по данным исследований, количество участников протестных акций 23 января 2021 г. в Москве в возрасте от 18 до 35 лет составило 52 % от общего числа участников².

Вместе с тем эти социальные группы являются наиболее социально уязвимыми категориями населения России: именно на долю молодежи и пожилых людей выпадает наибольшее количество социальных рисков. В отношении молодежи исследователи выделяют социальные риски, связанные с социализацией [21], социальной адаптацией [22], трудоустройством [23], рискованным, асоциальным [24], суицидальным [25] и аддиктивным поведением [26]. В качестве основных соци-

¹ Молодежь ломает стереотипы // ВЦИОМ. 2018. 22 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-stereotipy-> (дата обращения: 09.12.2021).

² Рожкова Е. В. Далеко не школота: социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян // Коммерсант. 2021. 30 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 09.12.2021).

альных рисков для пожилых людей исследователи выделяют социальную дезадаптацию [27], социальное исключение [28], бедность [29], самолечение [30], риски, связанные с использованием цифровых технологий и социальных сетей [31].

Анализ существующего в современной науке подхода к изучению проблематики социальных рисков для молодежи и пожилых людей демонстрирует сразу две негативные тенденции. Во-первых, исследования по тематике вызовов и рисков для молодежи и пожилых людей по большей мере носят констатирующий характер и лишены комплексного анализа причин возникновения рисковенных ситуаций. Во-вторых, исследователи подчас склонны противопоставлять молодежь и пожилых людей в вопросах социальных потребностей, положения в обществе и поведения [32].

По нашему мнению, по причине описанных выше негативных тенденций существующие в современной науке подходы не позволяют в полной мере оценить проблему социальной уязвимости молодежи и пожилых людей, последствия ее влияния на благополучие и устойчивое развитие общества. Вместе с тем углубленное изучение причин социальной уязвимости молодежи и пожилых людей в период социальной трансмиссии может дать более фундаментальное обоснование в понимании мер, необходимых для формирования устойчивого развития российского общества. *Социальная трансмиссия* — процесс, обусловленный переходностью психофизиологического состояния и социального статуса представителей возрастных групп (из юности в зрелость и из зрелости в старость), сопряженный с переживаемой неопределенностью, фрустрацией, тревожностью, подавленностью и т. д. Состояние социальной трансмиссии, с одной стороны, характеризуется неизбежными психофизическими возрастными изменениями, с другой — изменением социального положения, рефлексии, оценки ситуации, окружения, отношений и восприятия социума, что в совокупности создает для индивида ситуацию социальной неустойчивости, в которой он не всегда способен адекватно противостоять вызовам и угрозам.

Социальной-философские основы переходности социального статуса и связанные с этим состоянием трудности, характерные для молодежи и пожилых людей, описаны французским философом и интеллектуалом Аленом Бадью. А. Бадью указывает на неопределенность социального статуса молодежи и пожилых людей как на основную причину их уязвимости. Анализируя существующую общественную структуру, он выделяет три группы, различающиеся по возрасту и социальному положению. К ним отнесены молодые, «взрослые» («сорока- и пятидесятилетние») и пожилые. Группе «взрослых», завоевавших устойчивое положение в социуме и оказывающих существенное влияние на социальную среду, противопоставлены молодежь и пожилые люди, поскольку они в значительной степени отстранены от участия в распределении общественных благ и принятия важнейших решений. Такое положение данных групп объясняется крушением того, что Бадью называет «традиционным миром»: в новых реалиях, с одной стороны, снижается традиционный социальный контроль в отношении молодежи, с другой — происходит обесценивание социального значения «старости», поскольку традиционная социальная роль пожилых людей — хранителей знаний и жизненного опыта — разрушается под давлением социального и технологического прогресса. В результате и молодежь, и пожилые люди оказываются социально дезориентированными, что негативно сказывается на их благополучии и делает их уязвимыми перед лицом вызовов новой реальности [33, с. 86–88].

Экономическую составляющую данного процесса подробно описывает британский исследователь Гай Стэндинг, раскрывая проблему социальной неустойчивости, в состоянии которой в условиях современного рынка труда оказываются

обе исследуемые группы. Стэндинг указывает на существующую дискриминацию на рынке труда, которой в настоящее время подвержены молодежь и пожилые люди: представители данных групп имеют более низкую заработную плату, чем группа среднего возраста, а также в значительной степени подвержены прекариатизации — отсутствию стабильных трудовых отношений с работодателем. И молодежь, и пожилые люди вынуждены соглашаться на нестабильные (прекарные) трудовые отношения из-за отсутствия необходимого трудового опыта: первая группа еще не успела приобрести его в должном объеме, а опыт пожилых подвергся социальной девальвации в условиях стремительного научно-технического прогресса. Кроме того, молодежь вынужденно находится в условиях необходимости совмещения работы и учебы, а пожилые оказываются в рядах прекариата в связи с достижением пенсионного возраста и прекращения полноценных трудовых отношений по основному месту работы. Речь идет о том, что результатом процесса прекариатизации является снижение социального статуса, что приводит к росту социальной уязвимости индивида [34].

И Бадью, и Стэндинг [34; 35] объясняют описанные ими негативные явления современным состоянием капиталистической системы. Оба автора пишут о том, что уязвимое положение и молодежи, и пожилых людей обусловлено именно их возрастными характеристиками, а точнее — вызванным ими состоянием перехода, *трансмиссии* социального статуса.

Результаты и обсуждение

О влиянии состояния социальной трансмиссии на молодежь и пожилых людей также свидетельствуют результаты проведенного авторами пилотного эмпирического исследования. Основным методом сбора материала стало проведение полуструктурированных интервью с представителями исследуемых групп. Выборка исследования составила десять человек: проведено пять интервью с молодыми людьми 17–24 лет и пять интервью — с респондентами 60–75 лет. В ходе анализа и интерпретации полученных результатов удалось зафиксировать обеспокоенность респондентов рядом состояний, которые связаны с нахождением индивида на определенном этапе жизненного пути. Кроме того, респонденты подробно описали социальные риски, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни.

Молодые люди продемонстрировали значительную обеспокоенность, связанную с выбором стратегии дальнейшего развития и поиска жизненного пути. Респондентов волнует стоящий перед ними выбор: поступить в колледж или вуз, пойти в армию или воспользоваться отсрочкой (указано двумя респондентами 17 и 18 лет), начать трудовую деятельность или сконцентрироваться на учебе (отмечено двумя респондентами 20 и 21 года); остаться жить с родителями или начать строить самостоятельную жизнь (указано тремя респондентами 17, 18 и 24 лет). Кроме того, 17-летний и 24-летний респонденты обеспокоены будущим материальным положением: предстоящим изменением структуры доходов (достижением предельного возраста получения социальных пособий и пенсионных выплат, прекращением выплаты стипендии в связи с окончанием вуза). Это респонденты воспринимают как существенные угрозы их благополучию. Обращено внимание и на трудности, связанные с изменением места постоянного проживания. Среди них — утрата права на студенческое общежитие в связи с окончанием обучения, высокие цены на аренду жилья в крупных городах (об этом пишут респонденты 21 и 24 лет), страх «не найти себя» в новом городе, потерять привычный круг общения и разорвать родственные связи (на это указывают респонденты 17 и 18 лет).

Пожилых людей, участвовавших в исследовании, беспокоили в первую очередь проблемы, связанные с изменением состояния здоровья, а также с окончанием трудового пути. Наблюдается тревожность перед перспективой выхода на пенсию. Актуальны вопросы о том, будет ли новый размер доходов достаточен для поддержания привычного образа жизни, удастся ли перестроить привычный распорядок дня, найти новое занятие (это волнует респондентов 60 и 66 лет). Респондентов беспокоят объективные возрастные изменения: снижение когнитивных способностей, сокращение физической активности, страх перед нарастающей угрозой деменции и старческой немощи (подобное беспокойство присуще всем пожилым респондентам). При этом пожилые люди отмечали обеспокоенность предстоящим выбором. В частности, необходимо ли с наступлением старости продолжать жить отдельно либо нужно переезжать к взрослым детям или в интернат для пожилых людей? Кроме того, выявлен риск отставания от технологического прогресса: повсеместная информатизация привычных процессов вызывает у пожилых людей тревогу относительно утраты способности ориентироваться в социальном пространстве (на указанные риски ссылаются три респондента 66, 70 и 75 лет).

Анализ результатов интервью позволяет прийти к выводу о том, что все описанные социальные риски и тревожные состояния во многом обусловлены именно *переходностью состояния индивида* (обусловленного с одной стороны возрастными изменениями (переходом из юности в зрелость и из зрелости в старость), с другой — трансмиссией социального статуса (переходом из статуса обучающегося в статус специалиста и из статуса специалиста в статус пенсионера), поскольку отмечено, что ранее такие риски и тревожные факторы были либо не свойственны респондентам, либо не вызывали значительного беспокойства. В настоящем же состоянии чувство неопределенности и рост числа рискогенных ситуаций, по данным исследования, вызывают у респондентов не только беспокойство, но и страх.

Заключение

Концепция социальной трансмиссии может оцениваться как новый перспективный подход к изучению социальных рисков молодежи и пожилых людей. Данная концепция позволяет полнее оценить причины возникновения угроз социальному благополучию представителей молодежи и пожилых людей. Кроме того, понимание социальной трансмиссии как важнейшего фактора уязвимости молодежи и пожилых людей позволяет не только обойти проблему противопоставления данных социальных групп, но и выявить их схожие характеристики и возможности взаимодействия в вопросе формирования социальной устойчивости.

Негативное влияние социальной трансмиссии на благополучие молодежи и пожилых людей подтверждается результатами пилотажного исследования. Переход из статуса обучающегося в статус специалиста и переход из статуса специалиста в статус пенсионера создают ситуацию неопределенности, что, в свою очередь, может привести к искажению социальных ориентиров, фрустрации и дезориентации в условиях быстро изменяющегося мира. При этом возникающие в таком состоянии социальные риски могут рассматриваться в качестве фактора, оказывающего непосредственное влияние на самовосприятие индивидом своего места в обществе и приводить к необратимым результатам как на индивидуальном, так и на социальном уровне, вплоть до выражения недовольства в виде участия в публичных протестах.

Дальнейшее изучение социальной трансмиссии сегодня может быть признано одной из значимых задач для социальных наук. Обусловленность этого процесса как социальными факторами, так и объективными психофизиологическими состояниями индивида позволяет говорить о необходимости комплексного и междисциплинарного подхода при изучении данной проблемы. Рассмотрение успешной адаптации молодежи и пожилых людей к состоянию социальной трансмиссии, формирование у описанных возрастных групп соответствующего уровня социальной компетентности как условия сохранения и развития устойчивости общества может дать новое понимание концепта социальной трансмиссии, способствовать формированию нового посыла к стабильности государства и оптимизации устойчивого развития страны.

Список источников

1. *Алехин Е. И.* Об определении критериев устойчивого развития // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4 (48). С. 7–14.
2. *Грузневич Е. С.* Развитие, устойчивое развитие и сбалансированное устойчивое развитие и их взаимосвязь на уровне региона: терминологические аспекты // Россия: тенденции и перспективы развития: сборник трудов конференции. 2017. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 839–843.
3. *Мурашев С. Б.* Социальные технологии как средство модернизации системы управления // Теория и практика общественного развития. 2019. № 9. С. 50–55. DOI: 10.24158/tipor.2019.2.2
4. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту: статистический бюллетень. М.: Росстат, 2021. 443 с.
5. *Bobylev S. N., Solovyeva S. V.* Sustainable development goals for the future of Russia // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. No. 3. P. 259–265. DOI: 10.1134/S1075700717030054
6. *Oualaalou D.* Outlook for the Russian Federation // The Dynamics of Russia's Geopolitics. Springer: Cham, 2021. P. 97–116. DOI: 10.1007/978-3-030-58255-5_6
7. *Skryl T., Shavina E., Dotsenko E.* New Industrial Conditions of Sustainable Development of Mineral Resource Dependent Russian Economy in High Volatility Conditions // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 105. No. 2. P. 04049. DOI: 10.1051/e3sconf/201910504049
8. *Шуайбова М. О., Минбулатова И. С., Магомедов Р. В.* Стрессоустойчивость студенческой молодежи как показатель здоровья и безопасности жизнедеятельности // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2019. № 9 (175). С. 400–406.
9. *Лукьянова Н. А., Родионова Е. В., Конюхова Т. В.* Социологические основания траектории поддержания психоэмоциональной устойчивости студентов в стрессовых ситуациях // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 153–159. DOI: 10.17223/15617793/440/21
10. *Гадаборшева З. И., Булуева Ш. И., Бекова М. Р.* Особенности проявления стрессоустойчивости у школьников и студентов в процессе обучения // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 375–376. DOI: 10.24412/1991-5500-2020-685-375-376
11. *Соловьев М. Н.* Психологическая устойчивость личности как фактор эффективного преодоления профессиональных стрессов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 41–55. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-41-55
12. *Gaitán L.* The commodification of personality: Human enhancement and market society // Human Affairs. 2021. Vol. 31. No. 1. P. 40–45. DOI: 10.1515/humaff-2021-0003
13. *Трунова А. И.* Особенности устойчивости к социальным рискам у подростков из замещающих семей // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 5-1 (33). С. 276–282.
14. *Пасовец Ю. М.* Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 183–197. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.12

15. Малахов А. В. Вернакуляр и эмансипация: «народная» архитектура как ресурс для социального развития // Теория и практика общественного развития. 2020. № 2. С. 20–24. DOI: 10.24158/tipor.2020.2.6
16. Borisova O., Frolova V., Artamonova L. The Educational and Globalization Components of Sustainable Development, and Their Factors // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 105. No. 7. P. 04047. DOI: 10.1051/e3sconf/201910504047
17. Мяснянкина Н. Г., Ширяева Е. П. Исследование готовности к браку современной молодежи // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2 (133). С. 185–189.
18. Зубова Л. В., Гирина А. Н. Формирование психологической готовности специалиста к профессиональной деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 4 (222). С. 134–138. DOI: 10.25198/1814-6457-222-134
19. Харченко И. И., Арсентьева Н. М. Парадоксы профессиональной ориентации молодежи: что в приоритете — интересы и самореализация или потребности экономики // Социодинамика. 2019. № 12. С. 86–101. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31800
20. Бабочкин П. И. Социализация молодежи: опыт, проблемы, мероприятия // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 281–285.
21. Голдджан А. Г. Проблемы социальной адаптации молодежи // Молодой ученый. 2018. № 29 (215). С. 136–138.
22. Кисляков П. А., Меерсон А. С., Егорова П. А. Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 2 (31). С. 1–11. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-11
23. Мохаммадина Т., Негадари С. Изучение образа жизни молодежи в контексте правопорядка и безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 259–270. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.14
24. Черепанова М. И., Эбеллинг Э. О. Модель социальных факторов риска суицидального поведения молодежи Алтайского края // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 12-1. С. 111–123.
25. Андриенко О. А., Безенкова Т. А., Безенков К. Е. Реализация современных технологий, направленных на профилактику интернет-зависимости у подростков — субъектов образовательной среды // Перспективы науки и образования. 2020. № 3 (45). С. 226–238. DOI: 10.32744/pse.2020.3.17
26. Акимова О. В. Риски дезадаптации в пожилом возрасте // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2018. Т. 8. № 5. С. 185–186.
27. Walsh K., Scharf T., Keating N. Social exclusion of older persons: a scoping review and conceptual framework // European Journal of Ageing. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 81–89. DOI: 10.1007/s10433-016-0398-8
28. Besora-Moreno M., Llauredó E., Tarro L., Solà R. Social and Economic Factors and Malnutrition or the Risk of Malnutrition in the Elderly: A Systematic Review and Meta-Analysis of Observational Studies // Nutrients. 2020. Vol. 12. No. 3. P. 737. DOI: 10.3390/nu12030737
29. Шилова Л. С. Практики самолечения российского населения // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 61–65.
30. Nuchitprasitchai S., Kilanurak N., Porrawatpreyakorn N. Guidelines for Reducing Risk of Social Media Usage for Thai Elderly // 17th International Conference on Electrical Engineering/Electronics, Computer, Telecommunications and Information Technology (ECTI-CON), 2020. DOI: 10.1109/ECTI-CON49241.2020.9158321
31. Максимова С. Г., Ноязина О. Е., Максимова М. М. Специфика межпоколенного взаимодействия в контексте исследования социальной эксклюзии: экспертные оценки // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 1 (147). С. 185–192.
32. Щанина Е. В. Социальные риски пожилых людей в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2016. Т. 9. С. 38–50.
33. Кузнецова П. Недоходная бедность пожилых // ЭКО. 2018. № 3 (525). С. 27–43.
34. Badiou A. La vraie vie: appel à la corruption de la jeunesse. Paris: Fayard, 2016. 128 p.
35. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011, 378 p.

Информация об авторах

Е. В. Мороз — аспирант факультета социологии; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9;

И. Л. Первова — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

Information about the authors

E. V. Moroz — postgraduate student at the Faculty of Sociology; 7-9 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia;

I. L. Pervova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work of the Faculty; 7-9 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 21.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.